

Заметки для биографии Белинского

В одном из уездов Тверской губернии есть уголок¹ (Пушкин некоторое время жил близ этих мест, у помещика Вульфа²), на котором природа сосредоточила всю заботливую любовь свою, украсив его всеми лучшими дарами своими, какие могла только собрать в стране семимесячных снегов. Кажется, на этой живописной местности река течет игривее, цветы и деревья растут роскошнее, и более тепла, чем в других соседних местностях. Да и семейство, жившее в этом уголке, как-то особенно награждено душевными дарами. Зато как было тепло в нем сердцу, как ум и талант в нем разыгрывались, как было в нем привольно всему доброму и благородному! Художник, музыкант, писатель, учитель, студент, или просто добрый и честный человек, были в нем обласканы равно, несмотря на состояние и рождение. Казалось мне, бедности-то и отдавали в нем первое место. Посетители его, всегда многочисленные, считали себя в нем не гостями, а принадлежащими к семейству. Душою дома был глава его, патриарх округа. Как хорош был этот величавый, с лишком семидесятилетний старец³, с не покидающею его улыбкой, с белыми, падающими на плечи волосами, с голубыми глазами, не видящими, как у Гомера, но с душою, глубоко зрящею, среди молодых людей, в кругу которых он особенно любил находиться и которых не тревожил своим присутствием. Ни одна свободная речь не останавливалась от его прихода. В нем забывали лета, свыкнувшись только с его добротой и умом.

Он учился в одном из знаменитых в свое время итальянских университетов, служил не долго, не гонялся за почестями, доступными ему по рождению и связям его, дослужился до неважного чина и с молодых лет поселился в деревне, под сень посаженных его собственною рукою кедров.

---

¹ В одном из уездов Тверской губернии есть уголок. — Лажечников имеет в виду поместье Бакуниных недалеко от Торжка. — Здесь и далее прим. приводятся по изданию: Лажечников И.И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М: Советская Россия, 1989.

² Вульф Алексей Николаевич (1805—1881) — сын П.А. Осиповой, хозяйки Тригорского, близкий приятель Пушкина. В конце 20-х гг. Пушкин несколько раз гостил в тверском имении Вульфов — Малинники.

³ Как хорош был этот величавый старец... — то есть Александр Михайлович Бакунин, отец известного Михаила Александровича Бакунина (1814—1876), революционера, публициста, крупнейшего идеолога анархизма. Лажечников из семьи Бакуниных наиболее близок был именно с Михаилом, но нигде не упоминает его имени, и даже вообще не называет фамилии Бакуниных, так как с 1857 г. М. Бакунин был сослан в Сибирь как государственный преступник.

Только два раза вырывали его из сельского убежища обязанности губернского предводителя дворянства и почетного попечителя гимназии. Он любил все прекрасное, природу, особенно цветы, литературу, музыку и лепет младенца в колыбели, и пожатие нежной руки женщины, и красноречивую тишину могилы. Что любил он, то любила его жена и приятная женщина, любили дети, сыновья и дочери. Никогда семейство не жило гармоничнее.

Откуда, с каких концов России, не стекались к нему посетители! Сюда, вместе с Станкевичем⁴, Боткиным⁵ и многими другими даровитыми молодыми людьми (имена их смешались в моей памяти), не мог не попасть и Белинский. В один из последних тридцатых годов общество молодых людей (в том числе и Белинский), гостивших у моего соседа, в уголку, мною описанном, посетило и меня на берегах Волги⁶. Говорю об этом случае, потому что он, по многим причинам, оставил навсегда в душе моей приятное воспоминание. Это было то время, когда учение Гегеля сильно у нас разгоралось, когда адепты его ходили в каком-то восторженном от него упоении до того, что вербовали в его школу и стариков, и юношей, и девиц. Один из них даже писал к молодой, прекрасной особе, к которой был очень равнодушен, послания по эстетике Гегеля. Он сам гораздо позже над этим смеялся. Сомневаться в каком-нибудь начале учителя было преступлением, тупоумием; на профана смотрели с каким-то сожалением, если не с пренебрежением. Это юношеское увлечение было, однако ж, не бесполезно; оно много содействовало развитию умственной деятельности молодого поколения. Мог ли Белинский, попав в это общество, оставаться чуждым его разумному движению? Но как он нетверд был в немецком языке, то взялись посвящать его в начала Гегеля молодые гегелисты, в том числе Станкевич, изучивший глубже других знаменитого немецкого философа. За что брался с охотой Белинский, за то принимался он с жаром и всегда с успехом. Так и в настоящем случае. Статьи его сороковых годов, проникнутые философией Гегеля, это свидетельствуют.

---

⁴ Станкевич Николай Владимирович (1813—1840) — глава московского кружка «западников», в 30-е гг. занимавшегося вопросами философии и литературы.

⁵ Боткин Василий Петрович (1810—1869) — писатель, член кружка Станкевича и Белинского.

⁶ ...посетило и меня на берегах Волги. — Лажечников вспоминает приезд в его имение в с. Коноплино под Старицей Белинского с компанией молодежи, гостивших у Михаила Бакунина.